

Красноярск
Восточное обозрение

ныи инспекторъ училищъ Восточной Си-

Литературныя бѣды.

I.

Сибирь прежде и теперь.—Сибирь въ научной и художественной литературѣ.

Недалеко еще то время, когда о Сибири русское общество имѣло самыя превратныя представленія, когда даже образованные люди чуть-ли не согласны были съ простолюдинами въ томъ, что въ Сибири живутъ подъ землею, безъ солнышка краснаго, и что многіе изъ ея обитателей обладаютъ не одной, а двумя головами. Теперь эти мнѣшескія времена прошли безвозвратно, и уже близокъ тотъ день, когда Сибирь превратится въ одну изъ обыкновеннѣйшихъ русскихъ провинцій, жизнь которой мало чѣмъ будетъ отличаться отъ жизни остальныхъ частей имперіи. Желѣзная дорога явится только однимъ изъ факторовъ этой великой метаморфозы. Просвѣщеніе есть пятая міровая стихія, быть можетъ, болѣе важная и могущественная, чѣмъ огонь или вода. Противъ напора океана люди прихитряются устраивать плотины; противъ напора просвѣщенія даже дряхлый Китай съ его пресловутой неподвижностью окажется, вѣроятно, безсильнымъ. Волна этой пятой стихіи поднялась уже очень высоко въ коренной Россіи: она неудержимо катится на востокъ, уже перелеснула черезъ Уралъ—и вотъ-вотъ разольется широкими, свѣтлыми потоками по необъятнымъ пространствамъ сѣверной Азіи. Впрочемъ, и теперь уже многіе соглашаются, что въ коренной Россіи есть медвѣжьи углы (и ихъ не мало!), которые стоятъ въ духовномъ отношеніи далеко ниже Сибири и ея «умственного» по природѣ своей населенія. Были, слѣдовательно, побочныя причины, державшія до сихъ поръ Сибирь въ общемъ на болѣе низкомъ уровнѣ развитія. Но теперь, когда само правительство принимается за устраненіе ихъ и начинаетъ свлзывать далекую, заброшенную окраину тѣсными узами съ Европой, когда такъ энергично и быстро проводится желѣзная дорога и ходятъ отрадные слухи о введеніи въ Сибирь гласнаго суда,—теперь можно вѣрить, что скоро и надъ нашими краями взойдетъ солнце свѣта и правды.

на претензіи министерства.

Интересъ къ Сибири, къ ея грандіозной, угрюмой природѣ и многочисленнымъ племенамъ и народностямъ растетъ съ каждымъ годомъ. Тогда какъ двадцать какихъ-нибудь лѣтъ назадъ даже такіе центры, какъ Томскъ, Красноярскъ и Иркутскъ, были знакомы въ Россіи не болѣе, чѣмъ бѣлая Арапія, въ настоящую минуту во всей Сибири уже не найдется, пожалуй, такого уголка, начинающаго отъ Урала и кончающаго Сахалиномъ и Камчаткой, который не былъ-бы хоть сколько-нибудь изслѣдованъ, описанъ, обрисованъ въ нашей специальной или общей литературѣ. Не такъ еще давно, напримѣръ, Якутская область представлялась чѣмъ-то вроде царства абсолютнаго мрака и вѣчнаго холода, теперь же мы знаемъ, что и тамъ есть живые люди, такъ же, какъ и вездѣ, страдающіе, любящіе, мечтающіе, что и тамъ свѣтитъ то-же солнце и тѣ-же звѣзды, нарастаютъ тѣ-же потребности знанія и просвѣщенія. За послѣднее время Якутская область все болѣе и болѣе начинаетъ обрабатывать на себя вниманіе, какъ научной, такъ и художественной литературы. За минувшій годъ въ области научной литературы мы должны отметить труды гг. Сѣрошевскаго и Діонею, уже награжденныхъ медалями отъ Императ. русск. географ. общ. Обширный трудъ перваго только что началъ выходить въ свѣтъ и становится доступнымъ публикѣ. Но, быть можетъ, еще болѣе цѣннымъ изслѣдованіемъ дасть намъ экспедиція по изслѣдованію Якутской области, предпринятая Восточно-Сибирскимъ отдѣломъ того-же географическаго общества на средства г. Сибирякова. Всѣ эти труды сдѣлаютъ, конечно, обширную и далекую область хорошо извѣстной во всѣхъ отношеніяхъ—бытовомъ, экономическомъ, юридическомъ, религіозномъ и. несомнѣнно, сыграютъ большую и симпатичную роль въ положеніи якутовъ и ихъ будущей судьбѣ. На еще въ болѣе отдаленной восточной окраинѣ Сибири, въ странѣ гилъковъ и ороchonовъ, также производятся изслѣдованія, которыя уже замѣчены наукой. Наконецъ, въ серединѣ между этими двумя крайними пунктами, вирожденіи многихъ лѣтъ по порученію Восточно-Сибирскаго

отдѣла производились основательныя и многостороннія наблюденія надъ жизнью и положеніемъ бурятъ Верхнеудинскаго и Селенгинскаго округовъ. Вопросъ о вымирании инородцевъ въ Западной Сибири былъ также изслѣдованъ проф. Якобій, бытъ камчатскихъ инородцевъ д-ромъ Слюнинымъ и т. д. Такимъ образомъ Сибирь уже начинаетъ вносить свою лепту въ сокровищницу русской науки. Но одной-ли только науки?

Сибирь слыла и до сихъ поръ продолжаетъ слыть «золотымъ дномъ». Многихъ и очень многихъ влечетъ она къ себѣ изъ Россіи именно атими преувеличенными подчасъ слухами о богатствахъ, скрытыхъ въ ея недрахъ. Забывали до сихъ поръ только ея душу, тающую въ своей глубинѣ не мало много рода перловъ и крупицъ золота. Молодая русская литература первая обратила на нее вниманіе и почерпнула въ Сибири, въ ея своеобразной дрядѣ, новыя вдохновенія. Во главѣ этой плеяды молодыхъ писателей назовемъ В. Г. Короленка, за какою-нибудь десятъ лѣтъ уже успѣвшего стать безспорнымъ главою всей современной русской литературы, исключая, конечно, Льва Толстого, могучій, художественный голосъ котораго рѣдко раздается въ послѣдніе годы. Г. Короленко началъ свое литературное поприще разсказомъ, напечатаннымъ еще въ 1880 году, не касающимся Сибири; но этотъ первый разсказъ нельзя назвать одною изъ сильныхъ вещей высокодаровитаго художника. Только на очеркахъ изъ сибирской жизни развернулся этотъ крупный талантъ, и только Сибирь дала ему первые вдохновенія, которыми онъ завоевалъ себѣ общія симпатіи. Мы скажемъ больше: и на всей послѣдующей литературной карьерѣ г. Короленко, на всѣхъ дальнѣйшихъ его произведеніяхъ, по содержанию уже ничего общаго, на имѣющихъ съ Сибирью, мы видимъ ту-же печать, что и на сибирскихъ разсказахъ. Въ самомъ дѣлѣ: не гродни-ли Сибири эта грустная меланхолическая, этотъ мечтательно-фантастическій колоритъ, окрашивающій рѣшительно всѣ произведенія г. Короленка?

Всѣ остальные молодые писатели, посвящаю-

щіе свое перо Сибири, подаѣ имени г. Короленка, какъ подаѣ своего законнаго солища, являются, конечно, лишь небольшими звѣздами различной величины и значенія. Это гг. Маминъ-Сибирякъ, Чеховъ, Діонее, Строщевскій, г-жа Лухманова и мн. др. Для полноты картины не мѣшаетъ напомнить читателю, что и не въ одной русской литературѣ Сибирь, ея жизнь и мотивы играютъ въ настоящее время видную роль: такъ и въ польской литературѣ появился рядъ очерковъ изъ сибирской жизни г. Шиманскаго, написанныхъ съ недюжиннымъ талантомъ. Тотъ-же г. Строщевскій является отчасти только русскимъ писателемъ, главнымъ-же образомъ — польскимъ. Наконецъ и за границей появляется рядъ переводныхъ и оригинальныхъ очерковъ о сибирской жизни, между которыми мы должны отмѣтить путевые очерки г-жи Обручевой на иѣмецкомъ языкѣ, переводъ на французскій «Хайлака» Строщевскаго и другіе.

Что касается русской литературы, то слѣдуетъ сказать, что кромѣ перечисленныхъ выше писателей, почти исключительно писавшихъ до сихъ поръ о Сибири, и остальные наши беллетристы полюбили въ послѣдніе годы брать изъ ея жизни сюжеты для своихъ произведеній. Вообще Сибирью, ея природою, нравами и бытомъ переполнены русскіе журналы. Явѣстнѣйшій послѣ г. Короленка беллетристъ г. Чеховъ совершилъ не такъ давно специальную поѣздку на островъ Сахалинъ, которому и посвятилъ потомъ одно изъ самыхъ крупныхъ своихъ произведеній *). Наконецъ знаменательнѣйшій проникшій въ газеты слухъ о томъ, что графъ Левъ Толстой написалъ новую повѣсть, дѣйствіе которой происходитъ отчасти также въ Сибири.

(Продолженіе будетъ.)

Акиланъ.

*) Его-же разсказъ «Убіиство», помѣщенный въ 11 № «Русск. Мысли», заканчивается трогательною сценою на томъ-же островѣ.

Л. О.
7ав. 6
В. О.
30/9/89

С. 5. 1969
С. 144-45 (1-0, 29)